

Оригинал здесь: http://dugward.ru/library/blok/aihenv_blok.html.

Когда скончался Блок - на лире новейшей русской поэзии обрвалась одна из ее певучих и драгоценных струн. Не так давно мы видели и слышали его; в своеобразной и целомудренной манере своей читал он свои стихи, не помогая им переливами голоса, бесстрастно перебирая их, как монах - свои четки. Теперь мы сами читаем их про себя и вслух, отдаваясь напевам его пленяющего творчества.

Человеческая соловьиность - это лирика. Обычное деление поэзии на лирику, эпос и драму не вполне психологично: в сущности, есть одна только поэзия - лирическая. Душа - книга песен. Недаром говорит Блок о своей "песенной груди". Их, песен, может быть больше и меньше, они могут быть грубее и тоньше, но, как бы то ни было, именно из них, и только из них, состоит наша внутренняя, наша человеческая литература. Прирожденная лиричность души - вот главное; остальное приложится. И эпос, и драма - лишь кристаллизация первородного лиризма. По аналогии с историей мироздания, первичное состояние души тоже газообразно. Да, лирика - нечто газообразное, и опять-таки недаром у того же Блока стих клубится туманами. Душа бестелесна, и оттого ей к лицу не "тяжкая твердость" эпоса или драмы, не их прочная плотность, а бесплотная воздушность лирики. Духу - воздушное. Патрон лириков - Ариэль. Лирический воздух, благодаря которому дышит душа, образует стихию как жизни, так и творчества. Это он внушает душе-поэтессе ее интимные стихи, внятные или безмолвные, - те белые стихи, которые в тишине и тайне слагает каждый. Певучесть - в самой природе Психеи; от душевной музыки идет духовная музыка и всякая иная разновидность вечного лиризма. Душа - это лира.

Вот почему возможно принять за мерило достоинств поэта степень его совпадения с лирической категорией духа. Тем выше поэт, тем поэтичнее поэт, чем он ближе и родственнее последней. Если христианство велико потому, что "всякая душа - христианка"; если существует некое естественное христианство, неписаное Евангелие, которое потом сказало в Евангелии историческом; если существует некое естественное право, от которого ведут свое происхождение все остальные права, тем более правые, чем больше походят они на своего родоначальника, то существует и некая естественная поэзия, к которой и должны, и хотят приближаться все поэзии вторичные, все литературы искусственные. Лучшая словесность - это слово.

Когда с такой точки зрения смотришь на художественную ткань Александра Блока, то сейчас же видишь там легкие следы первозданной лиричности. Она имеет в нем одного из тончайших своих выразителей. Певец Прекрасной Дамы касается жизни "перстами легкими, как сон", и жизнь теряет от этого свою грубую материальность и претворяется в эфирную субстанцию духа. От слов Блока вещам не больно. Наследник Фета, он имеет в своей музыкальной власти нежнейшие флейты и свирели стиха. Пытаясь ими сказать несказанное, он ткет паутинные сплетения лирики. Но они легко рвутся, и, как любимый снег его, быстро тают иные из его стихотворений. От реалистического дыхания разлетаются они, будто одуванчики, и из своего призрачного бытия без труда переходят в полное небытие. В своей автобиографии рассказывает он, что с детства набегали на него "лирические волны"; он им отдавался, он пьянел от них, и так как у него с тех пор "душа туманам предана", то вот из этой пьяности и туманности одинаково рождаются и произведения завершенные, совершенные, и такие, которые еще не готовы, незрелы, темны и незначительны, - стихи-эмбрионы. У Блока мною лишнего и пустого. Он неровен; он иногда как-то неинтересен. Его сборники нуждаются еще в эстетическом отборе. Он знает белое, но знает и бледное; и белое нередко превращается у него в белесоватое: тоже от снега, этой ненадежной сердцевины его стихов, ложится на его стихи белесоватый отблеск. Не чужда нашему поэту болезнь белокровия. Деликатны его прикосновения, но в связи с этим они бывают и вялы. Как неньюфары, как лилии, растущие на воде, - не все. но многие из его типичных стихотворений (есть у него и тяжелые); здесь - очарование, но здесь и бесцветная неопределенность воды. Он часто непонятен, другим и себе, этот лунатик лиризма. Он сам однажды просит себя: "дай понять". В непонятных строках своих он, вероятно, дает уже продолжение какого-нибудь внешнего и внутреннего факта (даже словом но открывается у него одно стихотворение); однако начало этого факта читателю неизвестно и, что еще важнее, не дает о себе догадаться; и мы недоумеваем перед этой безначальностью и потому незаконченностью, и мы только чувствуем, что перед нами - какой-то намек. Не всегда хочется, не всегда стоит его разгадывать. И тонкие намеки его стихов, "грусть несказанных намеков", как мы только что упомянули, должно быть, иной раз непостижимы и для самого автора. Это обусловлено тем, что вообще